

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования

«Белорусский государственный педагогический университет  
имени Максима Танка»

Вильнюсский педагогический университет

# Язык и межкультурные коммуникации

Материалы III Международной научной конференции

Минск-Вильнюс, 17-20 мая 2011 г.

Минск 2011

УДК 81  
ББК 81  
Я41

**Редколлегия:**

доктор филологических наук, профессор *В.Д. Старичёнок* (отв. ред.);  
доктор филологических наук, профессор *Г. Кундротас*;  
доктор филологических наук, профессор *И.П. Кудреватых*;  
кандидаты филологических наук, доценты *Т.В. Балуш, Л.А. Бессонова,*  
*Ю.А. Гурская, Т.А. Дикун, Е.В. Кожемяченко, Л.М. Надумович, Л.Л. Плыгавка,*  
*А.Н. Федоринчик*

**Рецензенты:**

доктор филологических наук, профессор *И.С. Ровдо*;  
кандидат филологических наук, доцент *О.В. Писецкая*

**Язык и межкультурные коммуникации : материалы III Междунар. науч. конф., Минск–Вильнюс, 17–20 мая 2011 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол. В.Д. Старичёнок, Г. Кундротас, И.П. Кудреватых и др.; отв. ред. В.Д. Старичёнок. – Минск: БГПУ, 2011. – 302 с.**  
ISBN 978-985-501-943-6.

В сборнике представлены доклады, отражающие взаимодействие различных современных научных парадигм, так как функционирование языка неизбежно требует выхода в широкий контекст его изучения, в междисциплинарные области. В качестве объединительного начала выступает общий предмет – речевая деятельность как когнитивно-познавательный и коммуникативный процессы в условиях ее протекания, то есть речевая интеракция людей в социокультурном пространстве.

Адресуется научным работникам, аспирантам, преподавателям, студентам филологических специальностей.

УДК 81  
ББК 81

ISBN 978-985-501-943-6

© БГПУ, 2011

## ЯЗЫК КАК ДЕТЕРМИНАНТ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ

те или иные предписанные нам гендерные роли.

Гендер создается (конструируется) обществом как социальные модели женственности и мужественности, которые определяют положение и роли женщин и мужчин в обществе и его институтах (семье, политической структуре, экономике, культуре и образовании, и др.). Гендер — это «культурная маска» пола, определяемая нашими социокультурными представлениями.

Представленность женщин и мужчин в тех или иных сферах жизни: так, в сфере государственного управления, политики, принятия решений, крупного и среднего бизнеса преобладают мужчины; мужчины в основном владеют собственностью (в том числе и семейной). Женщины составляют большинство на исполнительских должностях; женщины преобладают также и в низкооплачиваемых и малоодоходных секторах экономики.

Феминность и маскулинность дифференцированы и противопоставлены друг другу: сказать женщине, что у нее «мужской ум» — это сделать «комплимент», а приписать мужчине «женскую логику» — это оскорбить его. Имена существительные женского рода, обозначающие профессии, нередко производятся от мужских с помощью суффиксов, придающих уменьшительно-ласкательный (медичка, докторица, философия) или пренебрежительный смысл (адвокатша, инженерша), или обозначают брачный статус, а не профессиональную принадлежность (профессорша, докторша). Андроцентризм языка отражает мужское доминирование в обществе, и именно поэтому многие феминистки уделяли большое внимание анализу роли языка в создании патриархата (Симона де Бовуар, Кейт Миллетт, Юлия Кристева, Элен Сиксу).

Биологические различия между мужчинами и женщинами наделяются социальным значением и используются как средства социальной классификации. Например, большая по сравнению с женщинами физическая сила мужчин трактуется как свидетельство их силы и в других сферах — интеллектуальной, духовной, творческой; в то же время детородная способность женщин интерпретируется как ее принадлежность миру природы, но не культуры.

Разница в оплате труда женщин и мужчин, которая практически всегда выражается в более высоких зарплатах мужчин по сравнению с женщинами. Различия в средних размерах оплаты труда мужчин и женщин колеблются от 75% в развитых странах до 30% в развивающихся странах. Причинами такой дифференциации оплаты труда являются профессиональная сегрегация женщин, стереотипы о меньшей ценности женской рабочей силы, материнские обязанности женщин, подчас вынуждающие их идти на менее выгодные условия труда.

Первоначально принятие своей гендерной идентичности не зависит от индивидуального выбора, оно носит социально принудительный характер. Важную роль в становлении гендерной идентичности играет принятая в обществе гендерная идеология. Процесс построения гендерной идентичности не заканчивается в юности, фактически он продолжается всю жизнь человека, человек подстраивается под новые «гендерные правила».

Гендерные различия и гендерная стратификация получают социальное оправдание, в том числе с точки зрения их «богоданности» или «природной естественности». Представлена в виде двух взаимосвязанных идеологий «мужественности» (защитник) и «женственности» (материнство).

Феминистки показали, что использование абстрактных или общих понятий и категорий не всегда гарантирует формальное гендерное равенство, потому что так называемые абстрактные и универсальные понятия (дух, познание, человек и многие другие) отличаются андроцентризмом.

Термин «сегрегация» обозначает концентрацию мужчин и женщин в разных секторах жизнедеятельности общества, в разных занятиях и профессиях. Чертой гендерной сегрегации выступает концентрация женщин в мало престижных, мало оплачиваемых и мало доходных сферах. Идеология женского предназначения и стереотипы воспроизводятся в смягченном виде и в современном обществе, где женщины получили доступ в сферы политики, бизнеса и производства, но остаются на менее престижных уровнях. Исследователи используют термин «половая типизация занятости». Горизонтальная сегрегация выражается в неравномерном распределении мужчин и женщин по профессиям и отраслям экономики (отраслевая сегрегация). Вертикальная сегрегация выражается в неравномерном распределении мужчин и женщин по позициям должностной иерархии (женщины занимают должности, характеризующиеся более низким статусом и требующие более низкой квалификации).

Л.А. Бессонова, Н.В. Кунцевич (Минск, Беларусь)

## ЗООНИМЫ В АНТИПОСЛОВИЦАХ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

В современной русской речи, особенно в интернет-коммуникации и средствах массовой информации, широко используются неожиданные новообразования, смысловые антиподы давно известных выражений, разнообразная словесная игра. Наиболее ярко это проявляется на паремиологическом уровне языковой системы. Современные

исследователи отмечают демократизацию пословичного жанра, проявляющуюся в трансформации и наполнении новым, анекдотичным, нередко вульгарным содержанием традиционных народных изречений, получивших название «антипословицы» или «перекрученные» (исковерканные, искаженные) мудрости. Данные выражения представляют собой гипертрофированную форму действительности, т.к. не выражают какой-либо абсолютной истины и не являются универсальными общечеловеческими или национальными установлениями.

Антипословицы (термин ввел американский паремистолог В. Мидер) – это выражения, опровергающие либо пародирующие традиционную пословичную мудрость, отражающие в шутливой или ироничной форме современное осмысление жизни человека и окружающей его действительности [2, с. 8]. Комический эффект достигается именно за счет опоры нового на старое, что обеспечивает продуктивность нового жанра. В отличие от пословиц в антипословицах возможно отсутствие нравоучения и семантики обобщения.

Необходимо отметить широкое использование зоонимов в образовании антипословиц. Названия животных являются древнейшим пластом в структуре и системе образов языка. Многовековая тесная связь мира животных и мира человека, непосредственное участие животных в жизнедеятельности людей послужили причиной самых различных сравнений, отождествлений и ассоциаций.

Из 99 антипословиц, зафиксированных в словаре «Антипословицы русского народа» [1], наибольшую активность в трансформациях паремий проявляют следующие наименования животных: волк (55 употреблений), конь (22), курица (20), воробей (16), собака, рыба (15); корова, кошка, рыбка (13); лошадь, обезьяна, птица, цыпленок, козел (12); заяц, свинья, синица, кобыла (11). Лексикографическая закреплённость данных единиц в переносных значениях свидетельствует о том, что они в литературном языке постоянно подвергаются метафоризации, играют роль одних из самых сильных экспрессивных средств и обладают высоким коннотативным потенциалом. Традиционное использование названий животных в качестве образной характеристики предметов и явлений окружающей действительности является проявлением семантической близости слов. По мнению А.А. Потебни, это объясняется тем, что «прежде созданное в языке двояко служит основанием новому: частью оно перестраивается заново при других условиях и по другому началу, частью же изменяет свой вид и значение в целом единственно от присутствия нового» [3, с. 125].

По семантическому признаку исследуемые паремии можно дифференцировать следующим образом:

1) дидактические, назидательные антипословицы: Убить бобра – и видать добра; Чтобы иметь осиную талию, нужно трудиться как пчелка; Хочешь быть львом, не будь ослом; Пусть будем мы к животным ближе, не опускайтесь только ниже; С родной сторонки и ворона мила; Хочешь забыть о комарах – встань на муравейник и др.;

2) антипословицы с юмористическим значением: Подкусив яблоко, всегда приятнее увидеть в нем целого червяка, чем его половинку; Без труда не вытащишь рыбку из пруда, а без пруда не вытащишь ее и с трудом; Тараканы в голове появляются там, где не соблюдены правила гигиены умственного труда; Не так страшен черт, как колова на льду; Когда скребет на сердце кошке, любой дворнягой немножко и др.;

3) антипословицы, зафиксировавшие жизненный опыт, отношения между людьми: Килька осетру не товарищ; Настоящий джентльмен – это тот, кто кошку всегда называет кошкой, даже если он об нее споткнулся и упал; Закон Мерфи в любви, прежде, чем найдешь свою царевну, перецелуешь немало жаб!; Крысы первыми бегут с тонущего корабля, но люди их все равно в итоге обгоняют; Любовь – это чувство, при котором даже лягушка кажется царевной; Лучше быть молодым щенком, чем старой райской птицей и др.;

4) антипословицы, отражающие духовную деградацию современной личности: Не хлебом единым, а воблой и пивом!; В год Змеи сменить старые шкурные интересы на новые; На халеву и зверь бежит; Чем больше узнаю людей, тем больше нравятся собаки; Настоящему коту и в декабре март и др.;

5) антипословицы с семей «жестокость»: Съел бобра – спас дерево; И волки сыты, и овцы целы, и пастуху вечная память; Капля никотина убивает лошадь, а хомяка разрывает на куски; Вы не любите кошек? Да вы просто готовить не умеете; Умом Россию не понять, аршином общим не измерить. Зачем же в лодку пса сажать? На выживание проверить; Индюк тоже думал, что купается, пока вода не закипела и др.;

6) антипословицы с семей «неуважительное отношение к женщине»: Женщина – двуногое бескрылое кровососущее; Баба не волк, в лес не убежит; Чья бы корова мычала – только бы баба молчала; Работа сделала из обезьяны человека, а из женщины – лошадь; Женщина-ученый как морская свинка: и не морская, и не свинка; Если у курицы длинные ноги, это еще не значит, что из нее выйдет хорошая фотомодель и др.

Преобладание в современной речи антипословиц с отрицательным значением обусловлено тем, что отношение к слову как тонкому и сильному инструменту воздействия на личность в наши дни если не совсем утрачено, то крайне редуцировано. Апелляция через язык, через слово к совести становится чрезвычайно слабой, практически исчезает понятие «язык-этика», что приводит к бедности синонимических рядов, банальности образов, интонационной ущербности повседневной речи, преобладанию отрицательно настроенных выражений, отталкивающих, а не притягивающих слов-образов.

Можно выделить несколько основных способов трансформации пословиц:

1) игра слов: *К одним женщинам нужен подход с лаской, к другим — лучше с сободем или норкой; Песец подкрался незаметно; Скушай, милая, пельмень, будешь прыгать, как олень; Имею возможность иметь козу, но не имею желания; Моника, Моника, поиграем в слоника; Хорошо, когда собака — друг, но плохо, когда друг — собака; В каждой газетной шутке есть доля утки* и др.;

2) перефразирование идиом, пословиц: *На безрыбье и слона из мухи сделаешь; Там, где раки только зимуют, мы живем круглый год* и др.;

3) контаминация: *Не за то волка бьют, что сер, а за то, что за одного битого двух небитых дают; Если ворон выклевал глаз ворону, в семье не без урода; За двумя зайцами погонишься — не вытащишь и рыбку из пруда; Дареного коня бороздой не испортишь; Слово не воробей: упадет с воза, не вырубишь и топором* и др.;

4) субституция (замена или добавление нового компонента): *Дорога лошади к обеду; Каждый сам кузнецик своего счастья; Идет бычок, бычается* и др.;

5) антипословицы, в которых одна часть остаётся прежней, а другая меняется: *Слово не воробей, а последовательность символов алфавита; Волков бояться — умным быть; Рыба ищет, где глубже, а человек — где придегся; Курица не птица — стоматолог не врач; На безрыбье и рак — харизматическое животное* и др.;

6) к не меняющейся исходной пословице добавляется новая часть: *Собака — друг человека, но ей от этого не легче; Соловья баснями не кормят, ими кормят народ* и др.

Пословицы и поговорки живут в народе веками, передаются от поколения к поколению, характеризуют самые важные для человека стороны жизни, эмоционально выражая множество оттенков отношения к близким и ценностям. Популярность антипословиц в речи современных носителей русского языка свидетельствует о том, что, к сожалению, пословичная система ценностей вступает в конфронтацию с едкой иронией или острой сатирой. Несмотря на меняющуюся окружающую жизнь, суть человеческих отношений, характеров, основных семейных и общественных ценностей, на наш взгляд, должна оставаться прежней.

#### Литература

1. Вальтер, Х., Мокиенко, В. М. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. — М., 2008.
2. Иванов, Е. Антипословицы рунета: типология и словарь / Е. Иванов. — Минск, 2009. — Выпуск 3.
3. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике. I-II / А. А. Потебня. — Харьков, 1891.

Э. Н. Бурдакова, Е. Ю. Нымм (Нарва, Эстония)

### НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ РУССКИХ ЖИТЕЛЕЙ ПРИНАРОВЬЯ И СЕВЕРНОГО ПРИЧУДЬЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Как известно, на территории Эстонии вдоль берега и в окрестностях Чудского озера издавна существовали русские поселения. Географически они располагались от северной границы Псковского озера вдоль всего побережья Теплого и Чудского озер вплоть до верховья реки Наровы и образовывали четыре группы. Одна из них — старожильческие русские поселения по северному побережью Чудского озера (Куру, Уускюла, Карьямаа, Алай-ыэ, Ремнику, Катазе) и примыкающие к ним поселения в верховье реки Наровы (Васькнарва, Яама, Кароли, Пермискюла, Кунингакюла) (см. рис. 1).

Именно этой группе русских старожильческих поселений посвящено наше сообщение. Оно основано на интервью, взятых у жителей деревень Принаровья и Северного Причудья в экспедициях 2001–2002 гг. Мы хотели бы предложить вашему вниманию несколько наблюдений, сделанных по показаниям, если так можно сказать, исторического сознания сельских старожил, и попытаемся сравнить их с записанными нами и нашими коллегами показаниями жителей, проживающих в Западном Причудье (от о. Пийрисаар до деревни Лохусуу, см. рис. 1).

Русские поселения по берегу Чудского озера исторически сложились как область тесного контактирования русского и эстонского населения (каналы контактирования многочисленны: это и заработки в эстонских индивидуальных хозяйствах в прошлом, и ярмарки (товарообмен), и смешанные браки, и многое другое). Русские деревни никогда не были изолированы от проживающих по соседству эстонцев. Это положение одинаково верно как для русских деревень Северного Причудья, так и для русских старообрядческих поселений по западному берегу Чудского озера.

Однако при всей открытости к контактам русская старообрядческая община Эстонии (Западное Причудье), по-видимому, всегда осознавала и осознает свою общность и избранность, отделяла и противопоставляла себя, с одной стороны, местному эстонскому населению, с другой — русскому населению исконных территорий. Это